

УДК 392.12

МЕСТО «ВЕЛИКОГО РАЗРЕШЕНЬЯ» (МАТЕРИАЛЫ РОДИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ КАРЕЛОВ, СВЯЗАННОЙ С БАНЕЙ)

Каракин Евгений Валентинович

преподаватель

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск

author@apriori-journal.ru

Аннотация. Целью настоящей статьи является ввод материалов из различных источников о бане как о месте, где совершались роды у карел. По данным исследователей, у карелов наиболее подходящим местом для родов считались хлев и баня и только в редких случаях рожали в доме. Тем не менее, именно баня, как место «великого разрешенья» оставила след в эпических песнях, заговорах и устойчивых выражениях карельского языка. Роды в бане сопровождались различными обрядами и заговорами: топка бани особенными дровами, вхождение роженицы в баню, первое купание ребенка в бане и подготовка воды для этого. Немаловажную роль при родах и в послеродовой период играла повитуха, которой должна была быть, как правило, немолодая, знающая свое дело, женщина. Трудно себе представить жизнь карела без бани. На протяжении всего жизненного цикла человек был тесно связан с баней. В начале прошлого столетия добрая половина карелов провела свои первые часы и дни жизни в бане. И эти значимые моменты в жизни человека, придают бане особый статус и особое отношение к ней.

Ключевые слова: родильная обрядность, роды, баня, роженица, повитуха, новорожденный, карелы.

THE PLACE OF A «GREAT DELIVERY» (MATERIALS ON MATERNITY RITUALISM CONNECTED WITH BANYA)

Karakin Jevgenii Valentinovich

lecturer

Petrozavodsk state university, Petrozavodsk

Abstract. The purpose of this article is to compile materials from various resources about banya as a place of a childbirth among the Karelians. It's hard to imagine life of a Karelian without banya. Throughout the life cycle a man was closely connected with banya. At the beginning of the previous century a good few of the Karelians spent their first hours and days of life in banya. And these significant moments in the life of a man give banya a special status and special attitude towards it.

Key words: maternity ritualism, childbirth, banya (bathhouse), midwife, a woman in labour, newborn, the Karelians.

У карелов наиболее подходящим местом для родов считались хлев и баня и только в редких случаях рожали в доме. Запрет на роды в избе обуславливался боязнью дурного глаза, а так же тем, что женщина во время и после родов была «поганой», не чистой (oli rakanoissa) и этим самым оскверняла дом. Баня все же являлась наиболее подходящим местом, не только с точки зрения санитарии, но и с точки зрения скрытности и защищенности от дурного глаза. Подтверждением этому служат многочисленные упоминания в рунах «Калевалы» и «Калевипоэга»:

Kysyi kylpyä emolta:
«Oi, emoni, armahani!
Laita suojoa sijoja,
lämpymyttä huonehutta
riian pieniksi pyhiksi ,
vaimon vaivahuoneheksi!»

Просит дева сделать баню:
«Ой ты, матушка родная,
теплое устрой местечко,
подготовь укрomный угол
для недолгого обряда,
для святых мучений женских»
[4, с. 558].

Минул долгий день мучений,
День тяжелый ожидания.
Линда чуяла — подходит
Час великий разрешенья.
Мучась, к дому поспешила,
Истопить велела баню*,
Застелить полок соломой.

Ложе стонов приготовить,
Отдыха скамью поставить,
Стул — для старой повитухи.
Жарко бабы топят баню,
Воду носят из колодца,
Стелют свежую солому,
Ставят мягкую скамейку [2, с. 75].

В карельском языке есть устойчивое выражение «käyvä lapsikylyö» (KKS – lapsikyly) – посещать родильную баню (бывать в родильной бане). Интересным представляется тот факт, что даже после появления родильных домов и больниц, где квалифицированную помощь при родах оказывали уже медицинские работники, это выражение не утратило своего значения, что говорит о его архаичности. Количество «посещений родильной бани» означало количество детей, рожденных женщиной. Хоть на карельском языке о родах и говорили: «läsiy kylyššä tervehtä tautie» (болеет в бане здоровой болезнью) [6, с. 154], роды тем не менее сопряжены со множественными обрядами, ритуалами и заговорами.

В начале прошлого столетия добрая половина карелов родилась в бане и провела в ней первые часы и дни своей жизни. И эти значимые моменты в жизни человека, придают бане особый статус и особое отношение к ней.

Приближение родов тщательно скрывали от посторонних, иначе по поверьям это могло привести к беде – гибели ребенка или матери «Kuun tieten, päivän tieten, vain rahvahan tietämättä» «Луне известно, солнцу известно, а люди пусть не знают и не ведают» [11, с. 160].

Считалось, что если ребёнка сглазят на родильном ложе или вскоре после рождения, то излечиться от этого сглаза практически невозможно. Ещё считали, что ребёнок унаследует характер того, кто из посторонних его первым увидит. Это и явилось основной причиной того, что появление ребёнка на свет держалось в тайне от посторонних глаз. Эта осторожность знакома родителям новорождённых детей, и соблюдается ими и по сей день. Редкая мамочка и сегодня откроет личико своего младен-

ца незнакомым или малознакомым людям. По этой причине новорождённого показывали и теперь показывают только очень близким людям.

По мнению знаменитой исполнительницы рун Марины Такало уроженки деревни Оуланга Лоухского района за образец в родильной обрядности принимается рождение Христа. Если Иисус был рождён в яслях, то и ребенок должен рождаться тайно и местом его рождения может быть хлев, конюшня, сеновал или баня.

Трехдневное пребывание новорожденного в бане она связывает со Святой Троицей, а так же, с тем, что после рождения именно три дня ребёнок является «грязным» [10, с. 160].

Баню для роженицы топили особенными дровами. Они не должны быть срубленными или спиленными, для этого годились колосники риги, «громовые» пораженные молнией деревья. Такие деревья имеют особую магическую силу и определяют судьбу того, для кого топится баня (В этом случае каменно-древесный живой огонь совмещен с небесным) [3, с. 44; 11, с. 160].

Само вхождение роженицы в баню сопровождалось специальным ритуалом и заговорами. Перед её заходом в баню открывали дверь и оставляли открытой. Роженица должна была вдохнуть в себя банного пару через дверную петлю и приговаривать:

Reikä ovešta, toini ikkunašta
löylyllä lämpösellä,
nyt kipiehini kylyh tulong,
jotta šaisi šairaš muata,
heikko henkensä vetyä [11, с. 162].

Дырка из двери, другая из окна
Для пара тёплого,
Сейчас больная в баню войдёт,
Чтобы могла больная поспать,
Слабая дух перевести.

Paulaharju. Nuori Suomi XXIX 1919

Роженицу начинали парить, приговаривая:

Пар от дерева, тепло от камня
Сила старца Вяйнямёйнена,
Пот молодца Ёукахайнена,
Из разного хорошего создано,

Из многого благословлено,
Больным для смазывания,
Страждущим для обливания
[11, с. 162].

•Роженица после родов находилась в бане три дня, а то и неделю, по некоторым сведениям её не пускали в избу 6 недель [1, с. 36]. Повитуха не оставляла ее одну ни на минуту все это время, так как «байник» особенно не любит рожениц.

•В первый день кроме повитухи в баню никого не впускали. В том случае, если и мать и ребёнок чувствовали себя хорошо и спали спокойно, повитуха могла ночью вздремнуть. Если вдруг повитухе необходимо было по каким-либо причинам покинуть баню на какое-то время, ей на замену приходил кто-нибудь другой. За роженицей в бане повитуха так тщательно ухаживает, что отсюда даже устойчивое выражение пошло: «*raššatah kuin rošenčšua kylyn lauvoilla*»; «Ухаживать, как за роженицей на банном полке» [11, с. 160-161]. Теперь это выражение бытует у людей, ухаживающих за больными или капризными пожилыми людьми.

•Повитухой была, как правило, немолодая женщина, чаще всего вдова, которая была знатоком своего дела. Она знала, когда что надо делать, умела и в баню сводить, и попарить, и ополоснуть водой. Повитуха знала необходимые обереги и заклинания. Особых знаний и умения требовало и первое купание ребёнка в бане и специальная подготовка воды для этого купания. В эту воду опускали три пятикопеечные серебряные монетки, три шляпки от металлических гвоздён, три ячменных зёрнышка и собачий помёт, собранный с трёх кочек. Каждая из этих атрибутов несла определённую функцию и предопределяла будущее ребёнка. Серебро, чтобы стать богатым, гвозди, чтобы быть хозяйственным, зёрна к крепости и здоровью, а помёт, как оберег от сглаза и всего дурного. Встречаются упоминания и о том, то добавляли ещё серу и пе-

пел. Они, якобы, способствовали росту ребёнка. Приготовленная таким способом вода, согласно поверьям, обладала такой магической силой, что пользоваться ею можно было до трёх раз. После этого остатки воды сливались в подпол бани. И в последующие разы воду после купания ребёнка тоже сливают подальше, не оставляя под ногами.

Иногда, в экстренных случаях, в повитухи приглашали хорошо знакомую молодую не беременную женщину, но в том случае ей в помощницы направляли или мать роженицы или её свекровь. Будучи беременной повитуха обрекает себя на рождение нездорового ребенка [11, с. 163]. Повитухой не могла быть капризная или сквернословящая женщина, так как считалось, что «*puoli lašta ruarohoš, toiini ristimuamohoš*» «половина ребёнка в повитуху, вторая половина в мать» (KKS – ruaro). Приглашением в повитухи нельзя было пренебрегать, так как это было очень значимая обязанность. Порой потребность в повитухе была такой срочной, что та прибегала «*Buaboloiksi kun kuččutaa, ni männä pidää yksi jalgu kengäs, toine paljas*» «одна нога обута, другая без обуви» [8, с. 33]. В деревне к повитухе относились с почтением. Не зря же говорят: «*ruaro kun kynnykseštä piäličči jalan talluau niim multihirret liikkuu talosta!*» (как повитуха ногу через порог, так нижние венцы в доме вздрагивают).

Поскольку ребенок не был еще крещен и у новорожденного не было духа-покровителя, а мать еще не оправилась от родов, они были совершенно беззащитны, уязвимы и к ним легко могло пристать все плохое. Не случайно в качестве гостинца к рождению ребенка приносят щуку, считая её рыбой покровителем [9, с. 33; 7, haltiekala].

Если женщина по каким-либо причинам рожала не в бане, то её с ребёнком перемещали туда после родов. Баню в этом случае специально обходили с горящими факелами, топорами, образом Девы Марии и читали обереги. После этого клали топор под порог в самой бане лезвием наружу и обращались к Спасу и Богородице со словами:

«Hospodi plahoslovi,
Spoassu ta pyhä Pohorotsa,
olkah yöllä ympärillä,
päivällä peän peällä,
varoman, varjelomah,
vassen kohti vassuksie,
kohti kaikkie kovie».

«Господи, благослови,
Спас и Святая Богородица,
Пусть будут ночью вокруг,
Днём над головой,
Остерегать, оберегать,
От обузы,
и всяких трудностей» [9, с. 32].

Традиционно роженице топили баню дважды в день, где её мыли или она мылась сама и купала ребёнка. Ещё через 3-4 недели после родов специально топили баню для роженицы и в этом Такало видела подтверждение того, что люди в Карелии отличались крепким здоровьем: «Ничто не является более целебным после родов, как баня».

В быту повитухи пользовались большим уважением. Родственники новорожденного сохраняли с ней тесную связь всю жизнь.

Повитуха не могла пренебрегать приглашением на помощь. Особо известные из них принимали роды несколько раз в неделю. Известны случаи, когда повитуха, приняв одного новорождённого, тут же бежала оказывать помощь другой роженице.

Для самих повитух тоже существовали определенные запреты. Ухаживая три дня за роженицей, она не могла есть из общей посуды, было необходимо соблюдать обряд умывания рук с мылом и солью. Повитухам было принято дарить варежки, сарафаны, рубахи, передники (либо ткань), мыло, соль, хлеб, чай и сахар.

Каждая повитуха имела свой набор магических предметов. К примеру, повитухи в Суоярви использовали ртуть. Ртуть считалась средством, облегчающим роды. Кроме этого они использовали первую шерсть ягненка, серебрянную монету, личинки гнилого дерева.

Репутация хорошей повитухи основывалась на богатом личном опыте, который приобретался женщиной при оказывании помощи роженицам, на глубоком знании необходимых обрядов и магических средств, усвоенных ею от старших повитух. Заметим, что именно так институт

повитух обеспечивал устойчивую преемственность традиционного комплекса родильной обрядности, благодаря чему в последней сохранилось немало архаических элементов; сам институт повитух (боабо) функционировал в карельских деревнях вплоть до 1930-х гг. [5, с. 23-24].

Список использованных источников

1. Конкка А. Духовная культура сегозерских карел конца XIX – начала XX вв. Л. 1980.
2. Крейцвальд Ф. Калевипоэг / пер. В. Державин, А. Кочетков. М., 1956.
3. Криничная Н.А. Русская мифология. Мир образов фольклора. М., 2004.
4. Лённрот Э. Калевала / пер. Э. Киуру, А. Мишин. Петрозаводск, 1999.
5. Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел. Л., 1985.
6. Федотова В.П., Бойко Т.П., Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск, 2009.
7. Karjalan kielen sanakirja. 1968-2005.
8. Leino P., Miettinen L. Karjalaisia sananpolvia. Helsinki 1971.
9. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema. Porvoo, 1924.
10. Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971.
11. Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Helsinki, 1958.